

УДК 34**DOI: 10.34670/AR.2020.74.78.020****«Цифровое имущество» в контексте преступлений против собственности: проблемы и перспективы****Пономарев Вячеслав Геннадиевич**

Старший преподаватель кафедры уголовного права,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: Ponomarev@volsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00823.

Аннотация

Исследование посвящено вопросам применимости действующего уголовного законодательства к посягательствам на новые виды имущества (криптовалюту, цифровую валюту, цифровые финансовые активы), которые условно можно обозначить как «цифровое имущество». Рассматривается проблема признания последнего предметом преступлений против собственности, в связи с чем делается вывод о необходимости пересмотра обязательных признаков предмета преступления и отказа от его физического признака как обязательного. Анализируется содержание таких способов совершения посягательств в отношении собственности, как «изъятие», «обращение», «приобретение права» и возможность описания с помощью данных формулировок посягательств на цифровое имущество. Полученные результаты опираются, в том числе, на данные социологического опроса, в ходе которого были опрошены судьи, сотрудники прокуратуры, адвокаты, служащие иных правоохранительных органов, преподаватели вузов (всего 93 респондента). В итоге делается вывод о возможности применения к соответствующим деяниям терминов «обращение» и «приобретение права» и отсутствии необходимости введения в уголовное законодательство специальной нормы об ответственности за посягательства на цифровое имущество.

Для цитирования в научных исследованиях

Пономарев В.Г. «Цифровое имущество» в контексте преступлений против собственности: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 11А. С. 213-221. DOI: 10.34670/AR.2020.74.78.020

Ключевые слова

Преступления против собственности, предмет преступления, блокчейн, криптовалюта, цифровая валюта, цифровые финансовые активы, хищение, изъятие, обращение имущества в свою пользу, приобретение права на имущество.

Введение

Поступательное развитие научно-технического прогресса в целом и цифровых технологий, в частности, требует от государства не только адекватных, но и, в первую очередь, оперативных мер по урегулированию соответствующих отношений, вовлечению их в правовое поле. Не составляют исключение в указанном смысле и так называемые криптовалюты – децентрализованные платежные средства и одновременно платежные системы, основанные на технологии блокчейн. Правовой статус последних в различных государствах на данном этапе колеблется от непризнания (Израиль) до частичной (Китай) или же полной легализации (Швейцария, Германия). В любом случае оставить данную проблему без внимания современное государство просто не вправе, что касается и Российской Федерации.

Основная часть

Учитывая сложность и длительность процесса юридического урегулирования любых сфер человеческой деятельности даже на подзаконном уровне, неудивительно, что наиболее остро данную проблему восприняла судебная практика. Одним из первых (если не первым) случаем легитимации криптовалюты биткойн на территории Российской Федерации явилось ее признание разновидностью «иного имущества» в понимании ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (*далее по тексту – ГК РФ*), отраженное в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017. Используя аналогию закона, суд апелляционной инстанции не только отнес криптовалюту к иному имуществу, но и сформулировал, по сути, два ее качества, позволившие это сделать.

Так, в качестве первого свойства в апелляционном постановлении указан содержательный (сущностный) признак – наличие у биткойна экономической ценности. В качестве второго, по мнению суда, выступает уже формальный критерий – возможность реализации в отношении подобного имущества полномочий, близких к полномочиям собственника.

Логичным продолжением соответствующего процесса стало введение в гражданское законодательство понятия «цифровые права», которые в настоящее время, согласно ст. 128 ГК РФ, являются не чем иным как разновидностью имущества.

И, наконец, с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» названные явления получили достаточно детальную правовую регламентацию. Однако данный нормативный акт примечателен не только этим: согласно ему, цифровая валюта признается имуществом для целей таких федеральных законов как Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и ряда других.

Одновременно с этим правоприменительная практика по уголовным делам о преступлениях, в которых задействована криптовалюта, иногда идет вразрез с общими тенденциями.

Так, как видно из апелляционного определения Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. № 22-5295/2020, приговором Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 30 июня 2020 г. по делу № 1-95/2020 из обвинения в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3 ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (*далее по*

тексту – УК РФ), была исключена похищенная криптовалюта на общую сумму 55 197 841 рубль 82 копейки. В обоснование такого решения суд первой инстанции указал, что криптовалюта не является объектом гражданских прав, так как не может быть отнесена к вещам, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иному имуществу, в том числе безналичным денежным средствам, бездокументарным ценным бумагам, имущественным правам; результатам работ и оказания услуг; охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации (интеллектуальная собственность), в связи с чем не может выступать предметом хищения. Данная позиция была поддержана судом апелляционной инстанции, дополнительно указавшим, что криптовалюта не является также разновидностью цифровой валюты (электронных денег), поскольку в соответствии с положениями Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (ред. от 20 июля 2020 г.) «О национальной платежной системе» электронные денежные средства определяются как денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Не наблюдается единства мнений по данному поводу и в теории уголовного права.

С одной стороны, все большее количество исследователей приходит к мысли о возможности и необходимости признания определенных видов компьютерной информации, включая криптовалюты, предметом преступлений против собственности.

При этом подчеркивается, что отождествление предмета преступления против собственности с вещью обусловлено наличием в его основе парадигмы, сформировавшейся еще в марксистской теории, то есть в период, когда информация и информационные технологии не обладали свойствами самостоятельного блага. Однако с развитием института собственности требуется адаптация уголовного права с тем, чтобы оно обеспечивало охраной не только вещное имущество, но и другие его виды [Байрамгулов, 2018, с.133-136]. Для этого, в частности, предлагается переход от признания основным признаком предмета преступлений против собственности его материального свойства к рассмотрению в качестве такового действительной или потенциальной коммерческой стоимости [Шульга, 2008, с. 12], что обусловлено способностью, в том числе, компьютерной информации подлежать денежной оценке [Хилота, 2011, с. 50-51]. То есть возможность признания компьютерной информации предметом посягательств на собственность связывается с наличием у последней свойств цифрового информационного продукта: совокупности уникальных компьютерных данных, объединенных в материальный или виртуальный носитель, и тем самым наделяющих такую информацию всеми признаками товара, способного находиться в обороте [Простосердов, 2016, с. 121-122]. Также предметом соответствующих преступлений предлагается признавать компьютерные данные, выступающие эквивалентом физического владения деньгами [Макаревич, 2014, с. 5].

Такой подход видится нам вполне обоснованным и, более того, соответствующим последним тенденциям развития российского законодательства. Об этом свидетельствуют и данные анкетирования: 80% опрошенных согласились с возможностью признания названного цифрового имущества предметом преступлений против собственности.

В то же время противоправное завладение чужой собственностью, как известно, может быть совершено путем хищения или приобретения права на чужое имущество, что делает

необходимым решение вопроса о применимости данных способов совершения названных преступлений к описанию посягательств в отношении криптовалюты, цифровой валюты, цифровых финансовых активов и тому подобных явлений, которые в общем можно обозначить термином «цифровое имущество».

С одной стороны, как в работах более раннего периода [Черняков, 2005, с. 33], так и в самых современных трудах [Гармышев, 2020, с. 7] возможность признания предметом хищения чего-либо нематериального иногда полностью отрицается с указанием на обязательность такого признака предмета хищения как его материальный характер.

С другой, и уголовное законодательство, и судебная практика развиваются в ином направлении. В частности, Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» ч. 3 ст. 158 УК РФ дополнена п. «г», предусматривающим уголовную ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Кроме того, безналичные денежные средства признаются предметом хищения в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

Думается, возникшие противоречия обусловлены, в первую очередь, расхождением между традиционным законодательным и доктринальным пониманием таких способов совершения посягательств на отношения собственности, как хищение и приобретение права на чужое имущество, и современным положением дел в данной сфере. Данный тезис, на наш взгляд, может подтверждаться результатами социологического исследования: так, на вопрос о том, какой из указанных терминов (хищение или приобретение права на имущество) более точно описывает посягательства на цифровую валюту и цифровые активы соответственно, ответы распределились следующим образом. За возможность хищения цифровой валюты высказались 58% опрошенных, тогда как 26% отдали предпочтение приобретению права на нее, а еще 10% затруднились с ответом. В свою очередь, допустимость хищения цифровых активов поддержало уже 34%, а большая часть – 52% признала более верным использование в данном случае формулировки «приобретение права на имущество» и 9% затруднились с ответом.

Очевидными, на наш взгляд, являются и те потенциальные трудности, с которыми правоприменителям придется столкнуться в ходе применения существующих уголовно-правовых норм о преступлениях против собственности к новым видам имущества.

Одной из первых проблем, представляется, выступают попытки пересмотра содержания объективной стороны понятия «хищение», которая в уголовном законе раскрывается посредством формулировки «изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц».

Названная сложность обусловлена растущим в теории уголовного права сомнением в правильности доминирующего теоретического подхода к определению изъятия, при котором последнее наделяется физическим признаком, связанным с материальным воздействием на предмет хищения [Карпова, 2011, с. 9], его отторжением, фактическим обособлением имущества [Черняков, 2005, с. 73]. Безусловно, такое понимание изъятия неприменимо к безналичным денежным средствам, цифровой валюте, криптовалюте, цифровым финансовым активам и иным явлениям, не обладающим признаком овеществленности, что и служит поводом для критики.

Следует отметить, что аналогичные сложности имеют место, в частности, в США, где по отношению к хищению криптовалюты среди прочих законов применяется Национальный акт о похищенном имуществе (National Stolen Property Act или NSPA), реализация которого в анализируемом аспекте осложнена целым рядом факторов. Во-первых, сказывается отсутствие

у криптовалюты физического признака с одновременной неопределенностью относительно содержания понятия «товары», выступающих предметом преступлений, предусмотренных названным нормативным актом. Во-вторых, из вышеуказанной проблемы вытекает еще одна: неприменимость к хищению цифровой валюты классического понимания термина «изъятие», обычно распространяемого на осязаемые вещи [Zaytoun, 2015, с. 417-418].

Наряду с этим отдельными исследователями подчеркивается, что изъятие представляет собой не только физическое воздействие, но и содержит юридическую составляющую, смысл которой заключается в умалении юридического господства собственника в отношении своего имущества [Елисеев, 1999, с. 27].

В отличие от предыдущей точки зрения, следующая допускает возможность исключительно юридического изъятия в отсутствие его фактической составляющей, что подразумевает смену субъекта права, владельца похищаемого имущества. Такой подход видится его авторам оптимальным для урегулирования вопроса о применимости норм о хищении в отношении посягательств на нематериальные виды имущества.

Однако с приведенным толкованием понятия «изъятие» сложно согласиться сразу по нескольким причинам. Во-первых, при таком понимании сущность изъятия, как представляется, не соответствует общему законодательному решению, поскольку противоречит содержанию примечания 1 к ст. 158 УК РФ и ч. 1 ст. 159 УК РФ в их системной взаимосвязи [Архипов, 2019, с. 202-203], отделяющей от названного способа посягательства на собственность еще один – приобретение права на имущество. Во-вторых, в случае «завладения» безналичными средствами виновное лицо приобретает не сами деньги, а право требования к кредитной организации. В этой связи видится не вполне корректным использование в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» применительно к безналичным денежным средствам, находящимся на счете потерпевшего, термина «изъятие». В-третьих, приведенная интерпретация фактически отождествляет изъятие имущества с приобретением права на него. Приведенные утверждения в полной мере справедливы и для цифрового имущества: в частности, возможность изъятия цифровой валюты и цифровых активов поддержали только 29% и 26% респондентов соответственно.

Не так однозначно выглядит проблема описания посягательств на рассматриваемые разновидности собственности при помощи понятия «обращение». Последнее либо следует за изъятием, либо распространяется на случаи, когда похищаемое имущество уже находится у виновного на законных основаниях [Бойцов, 2002, с. 266]. Соответственно, в первом случае названная формулировка не может быть применена к цифровой валюте, криптовалюте, цифровым финансовым активам и т.д. по уже указанным причинам. Что касается второго варианта, то криптовалюта и иные цифровые активы потенциально могут передаваться в законное владение, если можно так условно обозначить соответствующее полномочие, трейдерам, брокерам и иным профессиональным участникам соответствующих отношений, осуществляющим доверительное управление, в частности, для целей инвестирования [Вобленко, 2020, с. 61]. Названные субъекты, таким образом, вполне могут присвоить или растратить вверенное им виртуальное имущество, что делает возможным использование в отношении подобных деяний анализируемого термина. Данный вывод в отношении цифровой валюты поддержали 56% респондентов, аналогичное количество опрошенных высказалось за такую возможность применительно к цифровым активам.

Весьма примечательно, что на фоне вышеуказанных показателей примерно 2/3 опрошенных

(67%) высказались за внесение изменений в легальное определение хищения в связи с признанием разновидностью имущества цифровой валюты и цифровых активов. На наш взгляд, налицо своего рода статистическое противоречие: с одной стороны, респонденты подтверждают применимость терминов, раскрывающих содержание объективной стороны хищения, к цифровому имуществу, с другой – полагают необходимым пересмотр содержания данного понятия.

Следовательно, можно предположить, что внесение изменений в законодательное определение понятия хищения все-таки не требуется: оно является достаточно абстрактным, чтобы распространять свое действие на преступления в отношении новейших видов имущества, в том числе, по причине отсутствия в уголовном законе легального определения изъятия и обращения. В этом смысле достаточным решением видится толкование примечания 1 к ст. 158 УК РФ в постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Как уже указывалось выше, еще одним способом совершения преступлений против собственности является приобретение права на имущество. Думается, что для анализа его адекватности целям реализации уголовной ответственности за посягательства на цифровую разновидность имущества необходимо обратиться, в том числе, к рассмотрению содержания определений цифровых активов и цифровой валюты в том виде, как они зафиксированы в ч. 2 и ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Итак, исходя из содержания названных норм, цифровые активы, по сути, удостоверяют различные права требования (денежного свойства, по эмиссионным ценным бумагам, участия в капитале непубличного акционерного общества и т.д.). В свою очередь, цифровая валюта представляет собой средство платежа в виде электронных данных, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких данных.

Следовательно, в отношении посягательств на цифровые финансовые активы видится возможным только такой способ совершения посягательства как приобретение права на чужое имущество, поскольку изъять право требования и (или) обратить его в свою пользу попросту невозможно. То есть наиболее адекватной данной ситуации будет квалификация содеянного по ст. 159.6 УК РФ.

Несколько иначе обстоит дело с цифровой валютой, так как последняя, на наш взгляд может одновременно выступать и предметом приобретения права на чужое имущество, например, в случае мошенничества, и предметом обращения в пользу виновного или иного лица при присвоении и растрате.

Заключение

Таким образом, с учетом содержания ст. 128 ГК РФ, ч. 2 и ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», незаконные действия в отношении цифрового имущества могут охватываться уже существующими редакциями диспозиций соответствующих норм УК РФ, что позволяет не согласиться с точкой зрения, согласно которой необходимо создание специальной уголовно-правовой нормы об ответственности за посягательства в отношении криптовалюты [Уфимцева, 2019, с. 146]. При этом за введение подобной нормы высказалось относительное, но не абсолютное большинство

опрошенных – 51%, в свою очередь, 38% не поддержали эту идею. Так что, возможно, потребуется дифференциация ответственности за подобные преступления путем конструирования квалифицирующих признаков, предъявление специфических требований к их пенализации, необходимость толкования отдельных признаков деяний в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, однако в целом основные составы преступлений, уже имеющиеся в уголовном законе, такие как ст. 159.6 и ст. 160 УК РФ, представляются более-менее адекватными возникающим вызовам.

Библиография

1. Henry S. Zaytoun. Cyber Pickpockets: Blockchain, Cryptocurrency, and the Law of Theft. North Carolina Law Review. Vol.97. Num.2. Art.4. 482 P.
2. National Stolen Property Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eca.state.gov/files/bureau/18-2314.pdf> (дата обращения 18.12.2020).
3. Regulation of Cryptocurrency Around the World: report of The Law Library of Congress and Global Legal Research Center (June 2018). – Washington. 2018, – 125 P.
4. Апелляционное определение Санкт-петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. по делу №1-95/2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=43236760&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения 18.12.2020).
5. Апелляционное постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 18.12.2020).
6. Архипов А.В. Содержание терминов «изъятие» и «обращение» чужого имущества как элементов объективной стороны хищения // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С.202-206.
7. Байрамгулов А.Н. Незапрещенная валюта, не защищенная законом: криптовалюта как предмет преступлений против собственности // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступлений: сборник статей. – Саратов, 2018. – С.128-136.
8. Бойцов С.А. Преступления против собственности. – СПб.: Изд-во «Юридический центр «Пресс», 2002. – 775 с.
9. Вобленко Е.В. Бухгалтерский учет цифровых транзакций: дис. канд. эконом. наук. – СПб, 2020. – 222 с.
10. Гармышев Я.В. Квалификация хищений в уголовном законодательстве России: учебное пособие. – Иркутск: БГУ, 2020. – 46 с.
11. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 194 с.
12. Карпова Н.А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации ответственности. – М.: ИД «Юриспруденция», 2011. – 184 с.
13. Макаревич А.В. Парадигма уголовно-правовой оценки хищений, совершаемых с использованием информационных систем: автореф. дис. канд. юрид. наук. – Минск, 2014. – 20 с.
14. Простосердов М.А. Криптовалюта как предмет хищения // Российское правосудие. – 2016. – № 6 (122). – С.107-112.
15. Уголовное право. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. – М.: Норма, 2001. – 960 с.
16. Уфимцева В.А. Уголовно-правовые риски использования криптовалюты // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. Москва, 24-25 января 2019 г. – М.: РГ-Пресс, 2019. – С.140-146.
17. Хиллута В.В. Хищение: понятие, признаки, проблемы квалификации. Монография. – Гродно: ГрГУ, 2011. – 335 с.
18. Черняков Д.Ю. Квалификация тайного хищения чужого имущества: дис. канд. юрид. наук. – Коломна, 2005. – 250 с.
19. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в условиях рыночных отношений и информационного общества: автореф. дис. докт. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 62 с.

“Digital property” in the context of crimes against property: challenges and prospects

Vyacheslav G. Ponomarev

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law
Volgograd State University,
400062, 100 Universitetsky av., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: Ponomarev@volsu.ru

Abstract

The study is devoted to the applicability of the current criminal law to encroachments on new types of property (cryptocurrency, digital currency, digital financial assets), which can conditionally be designated as «digital property». The problem of recognizing the latter as the subject of crimes against property was being considered, and it was therefore concluded that it was necessary to review the mandatory characteristics of the subject of the crime and to abandon its physical characteristic as mandatory. The content of such methods of encroaching on property, such as «seizure», «assignment of property», «acquisition of right to property» and the possibility of describing encroachments on digital property using these formulations, are analyzed. The results obtained are based, inter alia, on data from a sociological survey, during which judges, prosecutors, lawyers, employees of other law enforcement agencies, university teachers were interviewed (total 89 respondents). As a result, it's concluded that the terms «assignment of property» and «acquisition of right to property» could be applied to the relevant acts and that there was no need to introduce into criminal law a special rule on liability for attacks on digital property.

For citation

Ponomarev V.G. (2020) «Tsifrovoe imushchestvo» v kontekste prestuplenii protiv sobstvennosti: problemy i perspektivy [“Digital property” in the context of crimes against property: challenges and prospects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 10 (11A), pp. 213-221. DOI: 10.34670/AR.2020.74.78.020

Keywords

Crimes against property, the subject of crime, blockchain, cryptocurrency, digital currency, digital financial assets, theft, seizure, assignment of property, acquisition of the right to property.

References

1. Henry S. Zaytoun. Cyber Pickpockets: Blockchain, Cryptocurrency, and the Law of Theft. North Carolina Law Review. Vol.97. Num.2. Art.4. 482 P.
2. National Stolen Property Act [Electronic resource]. - Access mode: <https://eca.state.gov/files/bureau/18-2314.pdf> (accessed 18.12.2020).
3. Regulation of Cryptocurrency Around the World: report of The Law Library of Congress and Global Legal Research Center (June 2018). – Washington. 2018, – 125 P.
4. The appeal ruling of the St. Petersburg City Court of November 23, 2020 in case No. 1-95 / 2020 [Electronic resource]. - Access mode: https://sankt-peterburgsky--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=43236760&delo_id=4&new=4&text_number=1 (accessed 18.12.2020).

5. The appeal decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of May 15, 2018 in case no. A40-124668/2017 [Electronic resource]. - Access mode: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of appeal 18.12.2020).
6. Arkhipov A.V. The content of the terms "withdrawal" and "circulation" of someone else's property as elements of the objective side of theft // Bulletin of Tomsk State University. - 2019. - No. 446. - p. 202-206.
7. Bayramgulov A. N. Nezapreshennaya currency, not protected by law: cryptocurrency as a subject of crimes against property // Criminal-legal impact and its role in the prevention of crimes: collection of articles. - Saratov, 2018. - p. 128-136.
8. Boytsov S. A. Crimes against property. - St. Petersburg: Publishing house "Law Center "Press", 2002 – - 775 p.
9. Voblenko E. V. Accounting of digital transactions: dis. kand.ekonom. sciences'. - St. Petersburg, 2020 – - 222 p.
10. Garmyshev Ya. V. Qualification of embezzlement in the criminal legislation of Russia: training manual. - Irkutsk: BSU, 2020 – - 46 p.
11. Eliseev S. A. Crimes against property under the criminal legislation of Russia (questions of theory). - Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 1999 – - 194 p.
12. Karpova N. A. Theft of someone else's property: questions of qualification and problems of differentiation of responsibility. - M.: Publishing House "Jurisprudence", 2011. - 184 p.
13. Makarevich A.V. The paradigm of criminal-legal assessment of thefts committed with the use of information systems: abstract of the Cand. the faculty of law. sciences'. - Minsk, 2014. - 20 p.
14. Prostoserdiv M. A. Cryptocurrency as a subject of theft // Russian justice. – 2016. – № 6 (122). – Pp. 107-112.
15. Criminal law. Special part / ed. by I. Ya. Kozachenko, Z. A. Neznamova, G. P. Novoselov. - M.: Norma, 2001 – 960p.
16. Ufimtseva V. A. Criminal-legal risks of using cryptocurrency // Criminal law: strategy of development in the XXI century: materials of the XVI International Scientific and practical Conference. Moscow, January 24-25, 2019-Moscow: RG-Press, 2019. - p. 140-146.
17. Hilyuta V. V. Embezzlement: the concept, signs, problems of qualification. Monograph. - Grodno: GrSU, 2011 – 335p.
18. Chernyakov D. Yu. Qualification of secret theft of someone else's property: dis.cand. the faculty of law. sciences'. - Kolomna, 2005. - 250 p.
19. Shulga A.V. The object and subject of crimes against property in the conditions of market relations and information society: abstract. the faculty of law. sciences'. - Volgograd, 2008. - 62 p.